

рия ему были открыты, онъ соблазнился попыткой перейти отъ аналогій уже къ тождеству, а это привело его къ массѣ болѣе или менѣе грубыхъ натяжекъ, сильно обезцѣнившихъ его огромный трудъ... Объ одномъ крупномъ (нынѣ здравствующемъ) судебномъ дѣятелѣ писали, что, въ бытность его прокуроромъ, адвокатамъ особенно трудно было съ нимъ бороться по той причинѣ, что онъ самъ все шаткое и противорѣчивое устранялъ изъ обвинительнаго арсенала: тѣмъ безспорнѣе и внушительнѣе было то, что оставалось... Въ сущности, это программа для научныхъ изслѣдованій вообще, для историко-литературныхъ—въ частности. Отъ натянутыхъ сопоставленій падаетъ тѣнь подозрѣнія и на удачныя, на безспорныя. Зачѣмъ г. Семенову понадобилось устанавливать протвѣстную аналогію отношеній Толстого и Лермонтова къ Наполеону? Для перваго онъ былъ—ничтожество изъ ничтожествъ, для втораго—великимъ человѣкомъ и героемъ; и это исходило изъ ихъ общихъ взглядовъ на исторію, на величіе и т. д. Но г. Семеновъ „доказываетъ“: у Лермонтова мы читаемъ:

И міръ трепещущій въ безмолвіи взиралъ
На ризу чудную могущества и славы,
Которой васъ онъ одѣвалъ,

а въ „Войнѣ и мирѣ“ капитанъ Рамбаль говоритъ Пьеру: „Il m'a empoigné. Je n'ai pas pu résister au spectacle de grandeur et de gloire dont il couvrait la France“,—какое сходство подчеркнутыхъ (г. Семеновымъ) выраженій! Но вѣдь Лермонтовъ говоритъ отъ себя лично, а Толстой влагаетъ эти слова въ уста жалкой (явно имъ презираемой) маріонетки, капитана Рамбаля,—тутъ чѣмъ большее сходство выраженій, тѣмъ большая пропасть между взглядами *авторовъ!*

Если г. Семеновъ для втораго изданія (котораго книга вполне заслуживаетъ) переработаетъ свой трудъ, устранить изъ него все сомнительное, несомнѣнно неправильное и попросту лишнее (а его—очень много: въ видѣ примѣра укажу на подробную библіографію мотива „соловей и роза“ въ поэзіи, абсолютно ни къ чему не относящуюся),—то это будетъ очень полезная и нужная читателю книга.

А. Дерманъ.

Проф. А. В. Рустенко. **Замѣтки о сочиненіяхъ Алексѣя Ремизова.** Одесса, 1913 г. Стр. 114.

Въ своемъ вступленіи авторъ „проситъ снисхожденія“. Онъ видитъ, что ему „поневолѣ придется взять на себя роль критика со всѣми послѣдствіями этой въ высокой степени трудной задачи“, потому что „сочиненія Ремизова... не могутъ... быть оцѣнены съ строгой историко-литературной точки зрѣнія“ (какъ писателя современнаго). На дѣлѣ оказалось, что на „роль критика“ проф. Рустенко и претендовать не можетъ, такъ что и вопроса о „снисхожденіи“ не можетъ быть. Все, что авторъ говоритъ въ первой части своей книжечки, пытаясь охарактеризовать творчество Ремизова и указать главные его мотивы—совершенно неудачно и удивительно наивно. Напримѣръ, разобравъ содержаніе романа „Прудъ“, авторъ пробуетъ войти въ „роль критика“: „Читатель, разставаясь съ романомъ, остается не вполне удовлетвореннымъ: нашъ авторъ не даетъ вполне опредѣленнаго отвѣта на многіе возбуждаемые романомъ вопросы... читатель все же желаетъ знать,

какъ смотритъ на вещи самъ авторъ, какъ ихъ объясняетъ и *какую мысль проводитъ въ своемъ романнѣ*“ (стр. 24, курсивъ мой). Ясно, что о „роли критика“ автору и думать нечего—эта задача для него, дѣйствительно, „въ высокой степени трудна“.

Но проф. Рустенко—знатокъ русскаго фольклора, потому, конечно, онъ и заинтересовался Ремизовымъ. Ему совсѣмъ не важна связь Ремизова съ современностью—онъ беретъ его сочиненія, какъ матеріаль для сличенія съ народными сказками и легендами. И книжка его имѣетъ нѣкоторое значеніе для изучающихъ творчество Ремизова, потому что въ ней даны кое-какія указанія на приемы Ремизова при обработкѣ фольклора. Авторъ настолько лишенъ критическаго темперамента, что нигдѣ даже не поднимаетъ вопроса о томъ, *почему* Ремизовъ съ такой жаждой прильнулъ къ народному творчеству, почему у него такъ много сказокъ и сновъ. И вся книжечка его лишній разъ убѣждаетъ въ томъ, что „историкъ литературы“ можетъ быть плохимъ критикомъ.

Б. Эйхенбаумъ.

И. Н. Розановъ. **Русская лирика. Историко-литературные очерки.** „Задруга“, М., 1914 г. Ц. 2 р. 50 к.

Книга г. Розанова читается легко и съ интересомъ, и цѣль, поставленная авторомъ: „возбудить вниманіе къ забытому прошлому родной литературы“, имъ достигнута; нельзя, однако, при этомъ не замѣтить, что въ рамки „забытаго прошлаго“ едва ли можно включать такихъ поэтовъ (они вошли въ книгу г. Розанова), какъ Жуковский, Батюшковъ и даже Державинъ,—ими литература не переставала интересоваться, не говоря уже объ изученіи ихъ въ средней школѣ.

Достоинства книги: живость, большая любовь къ поэзіи, удачный подборъ цитатъ. Удачно и большинство характеристикъ, но инья (напримѣръ, Хемницера, Державина) слишкомъ кратки и не соответствуютъ значенію этихъ писателей. Говоря объ идеологическомъ содержаніи характеризуемыхъ лириковъ, г. Розановъ часто попутно анализируетъ и формы ихъ творчества, но дѣлаетъ это какъ-то безъ плана: иныхъ и вовсе обходитъ молчаніемъ, и, анализируя форму, ограничивается обычно лишь стихосложеніемъ въ тѣсномъ смыслѣ, оставляя почти безъ вниманія стиль и словарь писателя. Такъ что читатель, получая представленіе объ эволюціи содержанія русской лирики, остается въ невѣдѣніи относительно эволюціи формъ ея.

Напрасно также авторъ не предположилъ своему труду болѣе или менѣе точной формулировки своего взгляда на лирику: на этотъ предметъ существуетъ весьма много различныхъ точекъ зрѣнія, и въ книгахъ, подобныхъ разбираемой, теоретическая формула явилась бы для читателя базисомъ, ориентирующимъ въ ходѣ авторскихъ разсужденій. Быть можетъ, она и автору была бы не бесполезна: формула сковываетъ, ограничиваетъ, но зато избавляетъ отъ противорѣчій. Напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ, г. Розановъ пишетъ о поэтѣ-лирикѣ, что „онъ разсказываетъ обыкновенно только о тѣхъ областяхъ своей душевной жизни, о которыхъ принято, допускается въ данное время разсказывать, и молчитъ о томъ, что не вошло еще въ литературный обиходъ“. А нѣсколько далѣе мы читаемъ: „Бытіе поэта начинается съ того момента, когда онъ находитъ самого себя, т.-е. начинаетъ передавать